

Бенгт Янгфельдт (Стокгольм)

ПИСЬМО Р. КРУУСА

В самом начале 1980-х годов я узнал о том, что в одном частном стокгольмском архиве хранится большое количество писем Игоря Северянина. Сообщила мне об этом шведская писательница Агнета Плейель которая в ходе работы над своей пьесой об Александре Коллонтай связалась с Assaff Baranoff'ом, мать которого, Августа Баранова, была дружна с Коллонтай в бытность ее советским послом в Швеции в 1920-е годы.

Августа Баранова родилась в Москве, но в 1921 году эмигрировала в Швецию, где одно время работала в Стокгольмском отделении железнодорожной миссии за границей, возглавляемом профессором А. Вл. Ломоносовым («Паровозы для Ленина»). В конце 1923 года, после того, как была закончена работа железнодорожной миссии, она перешла в представительство главного инженера Волховского строительства («Волховстрой»). На этом месте Баранова работала до начала 1927 года, когда была запущена Волховская гидроэлектрическая установка.

С Игорем Северянином Августа Баранова была знакома с 1916 года, а после того, как поэт узнал о ее переезде в Швецию, между ними завязалась переписка, продолжавшаяся до конца 1938 года.

Сын А. Барановой с удовольствием передал мне письма Северянина к его матери, и я начал работать над их публикацией. Работа была очень трудной, главным образом из-за моего полного незнания эстонского языка и плохого знания эстонских реалий. И вот я получаю письмо от незнакомого мне человека, Рейна Крууса, с предложением сотрудничать! Я охотно согласился, и мы начали готовить к публикации письма Северянина к Августе Барановой (а не к Э. Странделлу, как поначалу предполагал Р. Круус).

Работа двигалась медленно, так как очень медленно шла наша переписка – через Москву. В то время как письма Северянина к Барановой часто доставлялись адресату на следующий день после отправления, наши иногда шли друг к другу целый месяц. Кроме того, не все можно было писать в письмах, и поэтому мне пришлось для обсуждения разных проблем пару раз посетить Таллин.

Книга должна была выйти к 100-летию со дня рождения Северянина в 1987 году, но вышла годом позже под названием «Игорь Северянин: Письма к Августе Барановой 1916–1938».¹

Публикуемое ниже письмо Рейна Крууса примечательно тем, что дает очень четкую характеристику отправителя: деловитость и некоторая суровость в сочетании с мягкой ироничностью и стопроцентной научной честностью. Ведь не каждый станет с порога поправлять человека, которому предлагает свои услуги – каким бы справедливым ни было замечание...² Но таким и был Рейн Круус, который стал моим другом и сотрудничеством с которым я очень дорожил.

Уважаемый Бенгт Янгфельдт,

Через Г. Суперфина, друга Р. Тименчика, до меня дошел слух, что Вы готовите к изданию письма Игоря Северянина к Е. Штранделл (Странделл). В настоящее время я тоже занимаюсь изучением жизни и творчества Игоря Северянина. Может быть, обоюдно полезным окажется научное сотрудничество? В поддержке научных контактов с Вами заинтересован и Г. Суперфин, который сейчас также занимается главным образом материалами по русской культуре в Эстонии.

Известны ли Вам материалы архива Северянина, хранящиеся в Государственном литературном музее АН ЭССР им. Ф. Крейцвальда в Тарту, в частности, 8 открыток Игоря Северянина к Е. Штранделл? Микрофильмы этих писем должны

иметься и во всесоюзных исследовательских учреждениях, а текст трех открыток уже опубликован Христо Йордановым в Болгарии (Х. Йорданов. Неизвестна страница от творческата съдба на Игор Северянин. – В кн.: Проблемы на новата българска литература. София, 1978, с. 245–269). Но на всякий случай прилагаю к этому своему письму 2 листа с машинописной копией текста этих открыток.

Я, естественно, чрезвычайно заинтересован в том, чтобы ознакомиться с находящимися в Вашем распоряжении письмами Северянина. Может быть, я смогу Вам помочь и при подготовке комментария.

Воспользуюсь еще случаем, чтобы обратить Ваше внимание на одну незначительную неточность Вашей ранней книги «Маяковский и футуризм» (1977). На с. 75 Вы цитируете «антифутуристический» отрывок из стихотворного фельетона «Пролетсмех» и считаете, что из-за него сборник «Взмахи» в целом «не может быть обвинен в апологетическом отношении к футуризму». Но «Пролетсмех» является не обзором художественной жизни Москвы, а ироническим отчетом о лекции проф. Липаева на эту тему. В приведенной Вами цитате высмеивается отношение Липаева к футуризму. Поэтому позицию автора, скрывшегося за псевдонимом «Репортер», следует считать скорее профутуристической, как и статью Л. Тоом. Если еще учесть «футуристичность» обложки сборника («футуристической» обложка была названа и в одной из рецензий, кажется, в «Вестнике литературы»), то перед нами встает действительно редкая профутуристически ориентированная группа в стане «Пролеткульта».

К сожалению, я не знаком с Вашиими последними работами и был бы поэтому рад, если бы Вы сочли возможным выслать мне оттиски Ваших последних статей.

Я со своей стороны готов Вам помочь справками об эстонском периоде жизни и творчества Игоря Северянина. Кстати, могу выслать Вам двуязычную книгу В. Адамса, в которой на русском

языке перепечатан его разбор поэмы «Солнечный дикарь» («Утопия Игоря Северянина»), а на эстонском языке – вариант статьи «Игорь Северянин в Эстонии», – если она Вам нужна.

Надеюсь вскоре получить Ваш ответ. Иначе, выражаясь строками стихотворения Игоря Северянина «Она разлюбит...» (опубликовано в таллинской газете «Вести Дня» 12. X. 1934):

Мне будет странно. Пожалуй, стыдно.
Чуть-чуть туманно. И так обидно.
Потом утешусь. И сам забуду.
Ах, так со всеми. Ах, так повсюду.

Ваш

REIN KRUUS

17. II. 1982

¹ См.: Stockholm Studies in Russian Literature. 24.

² Речь идет о моей докторской диссертации «Маяковский и футуризм 1917–1921» (Stockholm Studies in Russian Literature. 5. 1976; 2-е изд. 1977).